

Ольга Чикина (продолжение):

Глядя на него, как-то не интересно думать о колбе с надписью "авторская песня", "помещается" ли в нее сей человек с гитарой, да не душно ли ему там, ну и так далее. Об этом - НЕ интересно, ибо "авторская песня" -- игра больше социальная, нежели культурная. И ежели говорить о культуре, при чем здесь... Так вот, Деревягин есть простой культурный феномен. Деревягин - это моя родная культура, как же мне его не слушать...

Можно быть поэтом и не писать стихов. Это про Деревягина. Он -- большой поэт, и у него особый инструментарий для созидания своего произведения - музыкальные звуки, тембр, интонации, любимые стихи, мысли, сердце, культурная интуиция, и что-то еще, что никак не называется.

«Пол-Азии» рис. Е. Вишневого (Мюнхен)

Евгений Вишневский (Мюнхен):

«Да, скифы мы! да, АЗиАты мы!»

О мастерстве этих блистательных артистов, об их композиторских находках, о высочайшем уровне владения инструментами и голосом, о совершенно особой атмосфере их выступлений, я думаю, будет сказано и написано немало. Как зритель и слушатель - дабы не повторяться и не «пересладить» - просто присоединюсь к хору их поклонников, которых уже весьма и весьма немало, как впрочем и противников. Но антитеза любви как мы знаем не ненависть, а равнодушие и безразличие. Людей, знакомых с союзом «АЗиЯ» и равнодушных к нему, я пока не встречал.

В этой небольшой заметке «к юбилею» я бы хотел коснуться лишь одной грани их творчества - работы с текстом. Восемь лет я занимаюсь литературно-музыкальными постановками. Поиск достойного музыкального сопровождения всегда представляет серьезную проблему, тем большую, чем сильнее литературная основа. И в процессе подготовки к вечеру поэзии Арсения Тарковского друг поставил мне запись песни «Степная дудка» Елены Фроловой, и я услышал - вот оно! Потом в Мюнхене был ее сольный концерт, начавшийся пятью песнями на стихи Тарковского, продолженный песнями на стихи Бродского (которые особенно сложно петь - достаточно прослушать попытки Клячкина и даже Мирзаяна), Цветаевой, Блаженного...

С тех пор именно песни Фроловой часто становились музыкальной основой наших постановок, потом к ним добавились песни Якимова на стихи того же Бродского, песни Деревягина на стихи Мандельштама и т. д. Но если «прочтение» ребятами знакомых мне стихов вызывает радость узнавания, то Ленины песни - это всегда неожиданность, взгляд с иной точки, с «другой ветки». Она прорывается в какие-то иные пространства, и в видении знакомых вещей появляется стереоэффект, они обретают новые грани и краски, которые я не мог увидеть, ибо нахожусь в другой позиции, смотрю с «иной колокольни».

В конце концов у каждого из нас свой язык, на котором мы общаемся с миром. Таким языком может быть не только слово, музыка и вообще искусство, но и просто приготовление пищи. Важен уровень этого общения. То, что предлагают нам АЗиАты, - это общение на достойном человека уровне.

Спасибо, и дай им Бог сил и времени!

Олег Хожанов (Вушпергаль, по телефону):

Ну что же, ребята...

Чертовски приятно иметь сейчас эту возможность сказать, что я вас всех очень-очень люблю, глубоко уважаю и ценю то, что вы делаете. Сложновато переводить чувства в слова...

Станным образом воспоминания о вас связаны к меня почему-то с ощущением сумасшедшего дома... Мы куда-то почему-то всё время несёмся: вот суть этого ощущения. То ли с тобой, Леночка, из Дюссельдорфа - по-моему было уже два часа ночи - на Новый Год в Дуйсбург, то ли из Ганновера по ночному автобану (это было, видимо, после слёта)... А вы с Яной рядышком, по правую руку. Это был автобус, три места впереди...

Или вы, Коля с Сашей, помните, наверное, опять-таки не менее сумасшедшую дорогу, когда я вас забрал из Карлсруэ от Бори Резника, и твой, Коля, совершенно потрясающий концерт (мне кажется, я больше

такого концерта никогда не услышу) твой сольный концерт на заднем сидении. Двухчасовой сольный концерт! Только для меня и Саши. Вот откуда это ощущение сумасшедшего дома. Ах да, ещё был не менее сумасшедший дом: гонка по ночному Берлину за Кабаковым, который, черт бы его побрал, почему-то предпочитает ездить на желтые и красные светофоры, а не наоборот - на зеленые. Но концерт в тот вечер, тем не менее, состоялся. И был хороший!

А вот сейчас - одному из «Азиатов». И тут я делаю выбор...

И только ты, Танечка, в моих воспоминаниях связана с ощущением... как бы это выразить... неземного покоя. Благодати, я бы даже сказал. Самое сумасшедшее из всего, что я помню, это, пожалуй, поедание котлет глубокой ночью. А ещё мандарины - бочками, как у братьев Карамазовых. А в остальном это ощущение покоя, совершенно потрясающее. Я часто возвращаюсь к этим прекрасным дортмундским

дням. Господи, какое было время! Помнишь, тихие беседы за ужином, по-моему, я даже тогда рисковал говорить о чём-то музыковедческом. И ещё мы читали стихи незабвенного Феликса. Наверное, ребятам это имя мало что скажет... А может, скажет. Когда-нибудь почитаю. Есть такой у нас автор.

И ещё:

Глеб! Нет - Глебушка! Всё, что я сказал в первой части, почти официальной, по поводу любви и уважения, несомненно, относится и к тебе. Я представляю, насколько это и твой праздник. Насколько это и твоя заслуга в том, что делается, и в том, что будет ещё сделано. Я в этом глубоко уверен. Я к этому отношусь с невероятным уважением и пониманием. К великому сожалению, мы больше так и не встретились. Но та встреча, которая у нас была, она во мне, я ее помню хорошо. И жду следующей встречи.

А посему - спасибо! Наговорил чего-то невнятного, но я волнуюсь... Видит Бог, я волнуюсь. Спасибо!